

Такова Александра Николаевна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ДВУХСУБЪЕКТНЫХ
РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ) НА
ПОСТСОВЕТСКОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ**

Статья посвящена изучению изменений, произошедших в конфессиональном пространстве Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в постсоветский период. Приводятся показатели роста числа мусульманских и православных религиозных организаций. Рассматриваются новые формы изменений в конфессиональном пространстве - появление нетрадиционных религиозных течений сектантского характера, формирование фундаменталистского течения в рамках исламской религии, возрождение языческой религиозной системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/8/53.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(70) С. 199-203. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007. 576 с.
2. Восточная философия / авт.-сост. М. В. Адамчик. Мн.: Харвест, 2006. 320 с.
3. Золотухин В. А. Идея разума в современной социальной философии [Электронный ресурс]. URL: http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/6319/3_07_04_06.pdf?sequence=1 (дата обращения: 20.03.2016).
4. Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/kondorse_eskis/ (дата обращения: 20.03.2016).
5. Лавренова О. А. Культура и пространство: ноосфера, пневмосфера и семиосфера как базисные концепты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8. Вып. 1. С. 90-95.
6. Мюллер М. Шесть систем индийской философии. М.: Искусство, 1995. 448 с.
7. Плотникова Л. И. Учение о ноосфере как идеальный проект гармонизации социоприродного взаимодействия: дисс. ... к. филос. н. Чита, 2004. 204 с.
8. Савицкий И. М. Ноосфера и формирование человека // Вестник высшей школы. 1990. № 3. С. 24-31.
9. Смирнов С. В. Биоинтеллектуальный подход к развитию общества и природы: сущность, специфика становления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52). Ч. 1. С. 179-182.
10. Субетто А. И. Вернадскианская революция как научно-методологическая основа формирования ноосферного общества [Электронный ресурс] // Партнерство цивилизаций. 2013. № 3. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Partnerstvo/2013_3/24.pdf (дата обращения: 20.03.2016).
11. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Устойчивый мир, 2001. 232 с.
12. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2005. 576 с.
13. Циолковский К. Э. Космическая философия. СПб.: Лениздат; Команда А, 2013. 224 с.

PHILOSOPHICAL BACKGROUNDS TO ADDRESS THE PROBLEM OF BIOINTELLECTUAL SPHERE

Smirnov Sergei Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
sunstability@yandex.ru

The author describes backgrounds to address the problem of biointellectual sphere. In particular, he considers the evolution of philosophical conceptions of mind as a human's instrument to cognize and transform the surrounding world, a category representing the ethical evaluation of his/her actions. The paper points out that under the actualization of ecological problems and necessity to develop a strategy of rational socio-natural development the conceptions of the creative role of human mind require further conceptual interpretation.

Key words and phrases: anthro-biotope; anthro-symbiosis; anthropocentrism; biointellectual sphere; biosphero-centrism; noosphere; mind.

УДК 94(470.64).085.9

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению изменений, произошедших в конфессиональном пространстве Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в постсоветский период. Приводятся показатели роста числа мусульманских и православных религиозных организаций. Рассматриваются новые формы изменений в конфессиональном пространстве – появление нетрадиционных религиозных течений сектантского характера, формирование фундаменталистского течения в рамках исламской религии, возрождение языческой религиозной системы.

Ключевые слова и фразы: конфессиональное пространство; религия; ислам; православие; протестантизм; секта; неокульт; фундаментализм; хабизм.

Такова Александра Николаевна, к.и.н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
sapatakova@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
ДВУХСУБЪЕКТНЫХ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КAVKAZA
(КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ)
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00126.

Постсоветский период является временем масштабных преобразований в религиозной сфере, интенсивность, глубина и динамичность которых позволили специалистам применить к ним термин «религиозное возрождение». На Северном Кавказе трансформационные изменения в религиозной сфере развивались особенно бурно ввиду их тесной взаимосвязи с процессами этнической мобилизации. Они способствовали

качественному изменению конфессионального пространства рассматриваемых субрегионов. Ввиду того, что Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия имеют схожий этнический состав и религиозную структуру населения, возможно их совместное рассмотрение в рамках настоящего исследования.

Архивные материалы свидетельствуют, что к исходу советской эпохи в Кабардино-Балкарии была официально зарегистрирована деятельность 28 религиозных организаций (13 мусульманских, 7 православных, 8 протестантских). Помимо этого упоминалось о деятельности 13 незарегистрированных религиозных групп – Свидетелей Иеговы, пятидесятников, адвентистов-реформаторов, адвентистов седьмого дня, сторонников совета церквей евангельских христиан-баптистов [9, д. 77, л. 8]. В свою очередь, в Карачаево-Черкесии в 1989 г. было официально зарегистрировано 26 религиозных организаций мусульманского культа [3, с. 26], 2 православные, также осуществлялась деятельность незарегистрированных общин иеговистов-ильинцев, баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня, Свидетелей Иеговы и др. [11, д. 40, л. 156].

Не слишком высокие показатели числа зарегистрированных религиозных организаций являлись в большей степени следствием существовавшей в данный период сложной многоступенчатой, заорганизованной процедуры их регистрации, а не низкого уровня религиозности как таковой. Религиозная жизнь изучаемых субрегионов к исходу советской эпохи была довольно активной. Религиозность, тесно соотносившаяся с национальными традициями, воспринималась большинством населения как часть этнической культуры. Архивные документы данного периода красноречиво иллюстрируют этот тезис. Так, например, в записке работника аппарата уполномоченного по делам религиозных культов в Кабардино-Балкарии от 1988 г., посвященной анализу причин низкой результативности атеистической работы, справедливо отмечалось, что в республике «...многие обычаи, правила, обряды, в иных случаях не несущие в себе элементов религии, в других имеющие религиозную основу, стали традицией и, повинуясь этой традиции, молодого и старого, партийного и беспартийного, хоронят по религиозным обрядам. В религиозный праздник Курман верующие и неверующие режут скот – такова традиция» [10, д. 166, л. 4]. Во многом благодаря неразделенности в сознании большинства жителей религиозных и национальных компонентов религиозная активность масс, даже в условиях permanently осуществлявшейся в советский период атеистической работы, на достаточно высоком уровне поддерживалась в изучаемых социумах.

Общедемократические преобразования эпохи перестройки и начала 90-х гг. XX в. привели к заметным сдвигам в конфессиональном пространстве. Принятие 25 октября 1990 г. Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий», весьма либерального как по форме, так и по содержанию, способствовало бурному количественному росту числа религиозных организаций всех возможных форм и направлений. Наиболее высокие показатели роста имели мусульманские и православные религиозные организации – традиционные для большинства жителей изучаемых субрегионов.

**Динамика роста мусульманских и православных религиозных организаций
по Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии (1989-2015 гг.)**
[4; 7; 10, д. 166, л. 4; 11, д. 40, л. 153]

	Мусульманские религиозные организации (КБР)	Мусульманские религиозные организации (КЧР)	Православные религиозные организации (КБР)	Православные религиозные организации (КЧР)
1989	13	26	7	2
1990	59	57	13	14
1995	86	98	15	16
2000	117	112	19	18
2005	121	116	19	21
2010	124	119	20	23
2015	125	122	23	30

Важным элементом процесса трансформации конфессионального пространства стала также институционализация религиозной жизни, выражением которой являлось формирование официальных управленческих органов традиционных конфессий. В 1990 г. в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии были созданы Духовные управления (муфтияты). Муфтием Карачаево-Черкесии стал выпускник медресе «Мир-Араб» (Бухара) Исмаил Бербиев, возглавляющий ДУМ КЧР по сей день. В Кабардино-Балкарии первым муфтием был избран адыг-репатриант из Иордании Мухамед Хуанж, однако через несколько месяцев Духовное управление возглавил также выпускник медресе «Мир-Араб» Шафиг Пшихачев, занимавший данный пост с 1991 по 2002 гг. Его приемником стал Анас Пшихачев, возглавлявший ДУМ КБР с 2004 по 2010 гг. Муфтий был убит членами экстремистского подполья в декабре 2010 г. С 2011 г. по настоящий момент муфтият КБР возглавляет Хазретали Дзасежев.

В организационном отношении православие в изучаемых субрегионах представлено Нальчикским благочинием (КБР), возглавляемым протоиереем Валентином Бобылевым и двумя церковными округами – Северным Карачаево-Черкесским (возглавляет протоиерей Михаил Самохин) и Южным Карачаево-Черкесским (возглавляет протоиерей Евгений Субтельный) (КЧР). Нальчикское благочиние и два церковных округа Карачаево-Черкесии входят в состав Пятигорско-Черкесской епархии.

С XIX в. на территории Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии начали распространяться различные протестантские течения. Их появление связано с миграционными процессами, переселением значительных

групп немцев, поляков, корейцев др. народов. В советский период большинство протестантских течений подвергалось перманентному жесткому прессингу. «Религиозное возрождение» способствовало осязаемому оживлению их деятельности. На сегодняшний день в Кабардино-Балкарии действует 38 различных как зарегистрированных, так и незарегистрированных протестантских общин [7]. В КЧР – по состоянию на 1 января 2016 г. была зарегистрирована деятельность 1 организации лютеран, 6 организаций евангельских христиан-баптистов, 1 организации Адвентистов Седьмого Дня и ряда других. Без регистрации действовало свыше 50 религиозных групп [4]. По числу зарегистрированных общин протестантские религиозные организации в КБР и КЧР стоят на втором месте после мусульманских.

Основную часть протестантских общин в изучаемых субрегионах составляют небольшие приходы, не превышающие 100-200 человек. Наиболее многочисленным и влиятельным среди протестантских течений является баптизм. В Кабардино-Балкарии на сегодняшний день действует 6 баптистских общин [7]. Такое же число баптистских общин официально зарегистрировано и в Карачаево-Черкесии [4]. Укреплению позиций баптистов и превращению Кабардино-Балкарии в центр данного течения на Северном Кавказе способствовало открытие в г. Прохладный (КБР) в 1998 г. Северо-Кавказского Библийского Института, подготовившего за время своей деятельности свыше 150 квалифицированных служителей [8].

Однако если в советский период протестантские течения были преимущественно распространены среди этнических групп, для которых они являлись традиционными (немцев, поляков, корейцев и т.д.), то в постсоветский период основную часть их адептов стали составлять представители русского населения, а также титульных этносов – этнических мусульман. Так, например, Нальчикскую общину (КБР) возглавляет пастор-балкарец А. А. Мечиев. Таким образом, в постсоветский период произошла утрата традиционной связи между этнической и конфессиональной принадлежностью.

Помимо количественного роста традиционных для изучаемых субрегионов религиозных организаций в конфессиональном пространстве происходили и другого рода изменения. Их возможно ранжировать по трем основным формам:

1) стремительный рост активности нетрадиционных религиозных течений сектантского характера. Образовавшийся вследствие краха советской идеологической системы духовный вакуум, резкое падение жизненного уровня большинства населения, социальная дезориентация, снижение планки позитивных жизненных ожиданий актуализировали поиск альтернативных духовно-нравственных основ. Это способствовало приобщению части населения Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии к альтернативным традиционным исламу и православию верованиям. В этих условиях представители разного рода сектантских течений, пользуясь либеральностью существовавшего в данный период законодательства в религиозной сфере, смогли привлечь в свои ряды часть жителей изучаемых субрегионов.

В Кабардино-Балкарии на сегодняшний день действует 4 официально зарегистрированных объединения Свидетелей Иеговы, одно объединение общества Сознания Кришны. Помимо этого действует ряд незарегистрированных религиозных организаций: церковь «Утешение», религиозные общества «Новый путь», «Последний призыв» и др. [7]. Периодически фиксируется активность проповедников Церкви саентологии. В Карачаево-Черкесии (г. Черкеске и пос. Курджиново) действуют организации «Общества сознания Кришны», 2 объединения Свидетелей Иеговы. С 90-х гг. XX в. в КЧР получило распространение учение Рейки, со временем оформившееся в общину «Хранителей пламени» [6]. Состав адептов упомянутых религиозных течений полиэтничен, с превалированием представителей русского и других нетитульных этносов. Однако в числе их последователей на сегодняшний день имеется довольно заметный сегмент представителей титульных этносов, ставших носителями так называемой маргинальной формы религиозности [5, с. 106].

Как справедливо отмечает С. И. Аккиева, смена религиозной идентичности «... в условиях Кавказа приводит порой к серьезным проблемам. Бывали, к примеру, случаи, когда родственники оказывались в весьма сложной ситуации, если умирал обращенный в новую веру. В одном из сел возник серьезный конфликт из-за того, что на мусульманском кладбище похоронили вероотступника с соблюдением всех мусульманских традиций. Дело чуть не дошло до избиения эфенди, который провел мусульманские обряды над покойником» [1, с. 26-27].

Следует отметить, что ряд религиозных течений сектантского характера практикуют порой довольно агрессивный прозелитизм. В первую очередь это относится к Свидетелям Иеговы. Это обстоятельство способствует формированию конфликтов на религиозной почве, что в итоге приводит к интолерантному отношению к представителям всех нетрадиционных для изучаемых субрегионов конфессий;

2) формирование новых течений в рамках традиционных для рассматриваемых субрегионов конфессий. Наибольшее влияние на развитие республик имело появление фундаменталистского течения в рамках исламской религии. Наибольшее распространение данное течение получило в молодежной среде, в рамках которой появилась даже новая социальная группа – «молящиеся». Фундаменталистское исламское течение в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии представлено как довольно умеренным большинством, так небольшим по численности (в пределах 300-400 человек в каждой республике), но очень активным экстремистским крылом. Однако общими отличительными чертами представителей данного течения являются: непризнание легитимности официального духовенства (муфтиятов), создание альтернативных иерархических структур управления (джамаатов), гипертрофированное стремление к чистоте культурной практики на фоне ярко выраженного редукционизма, проявляющегося в достаточном критичном отношении к религиозной истории и традиции собственных народов, слабая интегрированность в светскую жизнь и т.д. На сегодняшний день представители фундаменталистского исламского течения представляют собой довольно

закрытую и обособленную социальную группу, которую отличают достаточно четкие групповые границы, очевидные как для входящих в ее состав членов, так и для прочего социума в целом;

3) искусственно «сконструированное» адыгскими интеллектуалами движение, направленное на возрождение языческой религиозной системы, получившее наименование «хабизм» (от термина «адыгэ хабзэ» – свод норм обычного права и морально-этических предписаний – А. Т.). Исследователь А. А. Ярлыкапов пишет, что «в последнее время мы стали свидетелями изобретения “исконной” черкесской религии, хабизма, который противопоставляется “чуждому” исламу» [12].

«Изобретение» хабизма стало, действительно, во много реакцией на стремительно растущее число приверженцев исламского фундаментализма. Хабизм получил определенное развитие во всех регионах Северного Кавказа, где проживают адыги (черкесы) – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее. Наиболее ярко он проявился во второй половине 2000-х гг. в Кабардино-Балкарии. Ввиду того, что 13 октября 2005 г. здесь произошло массовое нападение представителей радикального крыла фундаменталистского исламского течения на объекты силовых структур столицы республики, актуальность приобрел поиск способов предотвращения дальнейшего распространения «опасных» исламистских идей. По этой причине в хабизме, точнее в его апеллировании к архаическим пластам этнической культуры, многими, в том числе представителями власти, был усмотрен искомый противовес идеологии исламского фундаментализма. Органы государственной власти Кабардино-Балкарии поддержали лидеров хабизма, создав для их деятельности режим наибольшего благоприятствования – под проведение мероприятий была выделена центральная площадь столицы республики, сами мероприятия широко освещались в СМИ.

Популяризация идей хабизма осуществлялась главным образом путем проведения массовых театрализованных этнокультурных шоу (Нового года по адыгскому календарю, игрищ из серии «Адыгский мир» и т.д.). Особым пластом данных мероприятий было акцентирование внимания на древней языческой системе адыгов и связанными с ней обрядами и ритуалами. Нельзя сказать, что данные мероприятия носили явный антиисламский характер. Вряд ли они воспринимались большинством жителей республики как таковые. Однако в среде религиозно настроенных людей проведение данных мероприятий было расценено как «опасная тенденция к навязыванию жителям Кабардино-Балкарии архаичных языческих представлений, идущих в разрез с нормами исламской религии» [2, с. 243].

Организатором этнографических шоу являлся видный ученый-фольклорист А. А. Ципинов, позиция которого отличалась восприятием исламской религии как своеобразного суперстратного элемента, привнесенного в целостную систему адыгэ хабзэ, приспособившегося к ней, но не изменившего ее основ. В адрес А. А. Ципинова регулярно поступали угрозы. Ученый был убит в декабре 2010 г. членами экстремистского подполья. После смерти А. А. Ципинова проведение этнографических шоу было прекращено. Однако в идеологическом плане хабизм сохранился. На сегодняшний день он довольно популярен в среде ученых и творческой интеллигенции, а также части молодежи титульных этносов изучаемых субрегионов.

Таким образом, в течение постсоветского периода конфессиональное пространство Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии претерпело существенную трансформацию. В отношении традиционных для изучаемых субрегионов конфессий (ислама, православия), а также протестантизма имел место бурный количественный рост числа религиозных организаций. Помимо этого постсоветский период стал временем формирования в конфессиональном пространстве новых явлений. Среди них наибольшее значение имели появление и активное развитие нетрадиционных религиозных течений сектантского характера, формирование в недрах ислама фундаменталистского течения, а также активная деятельность представителей адыгской научной интеллигенции по возрождению языческой религиозной системы.

Список литературы

1. Аккиева С. И. Кабардино-Балкарская республика. Модель этнологического мониторинга. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. 88 с.
2. Апажева Е. Х., Такова А. Н. Особенности процесса исламского возрождения в Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12/1. С. 241-244.
3. Кратов Е. В., Кратова Н. В. Ислам в Карачаево-Черкесской Республике. М.: Логос, 2008. 112 с.
4. **Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики. Религия** [Электронный ресурс]. URL: http://kchr.ru/left_menu/social_sphere/religion/ (дата обращения: 01.07.2016).
5. Почепцов С. С. Религиозные субкультуры: проблемы взаимосвязи с субкультурными религиями // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия, социология, право. 2011. № 8. Вып. 16. С. 104-109.
6. **Религиозная ситуация в Карачаево-Черкесии** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.katolik.ru/mir/1016-archive/75543-st7583.html> (дата обращения: 02.06.2016).
7. **Религия** [Электронный ресурс] // Портал Правительства Кабардино-Балкарской Республики. URL: http://pravitelstvo.kbr.ru/kbr/sotsialno_obshchestvennaya_sfera/religiya.php (дата обращения: 01.07.2016).
8. **Северо-Кавказский библейский институт. Структура и органы управления** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.skbi.ru/sveden/struct> (дата обращения: 30.06.2016).
9. **Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ АС КБР)**. Ф. 1. Оп. 28.
10. **УЦДНИ АС КБР**. Ф. 1. Оп. 31.
11. **Центр документации общественных движений и партий КЧР (ЦДОДП КЧР)**. Ф. П-1. Оп. 30.
12. **Ярлыкапов А. А.** Черкесы между исламом и хабизмом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21249> (дата обращения: 01.06.2016).

**TRANSFORMATION OF CONFESSIONAL SPACE OF THE TWO-SUBJECT
NORTH CAUCASIAN REPUBLICS (KABARDINO-BALKARIA AND KARACHAY-CHEKKESSIA)
AT THE POST-SOVIET DEVELOPMENTAL STAGE**

Takova Aleksandra Nikolaevna, Ph. D. in History
Kabardian-Balkarian Institute of Humanities Researches
sanatakova@yandex.ru

The article is devoted to studying the changes that occurred in the confessional space of Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia in the post-Soviet period. The author provides indicators on the growing number of Muslim and Orthodox religious organizations, examines new forms of changes in the confessional space – appearance of non-traditional religious movements of sectarian nature, formation of fundamentalist trend within Islamic religion, revival of pagan religious system.

Key words and phrases: confessional space; religion; Islam; Orthodoxy; Protestantism; sect; neo-cult; fundamentalism; habsism.

УДК 908

Исторические науки и археология

В статье описывается сложный период существования священнослужителей и верующих Тамбовской епархии «в западне» безбожия и военного времени. Повествуется о вкладе отдельных священнослужителей и мирян в дело возрождения ликвидированной епархии. Внимание уделяется и архиереям: архиепископу Алексию (Сергееву) и митрополиту Григорию (Чукову). Автор старался подойти к изучению указанного исторического периода объективно, раскрывая все стороны существования епархии: легализованной и «катакомбной». Материал, представленный в работе, предлагается для научной аудиторрии впервые.

Ключевые слова и фразы: Тамбовская епархия; Великая Отечественная война; архиепископ Алексей (Сергеев); архиепископ Григорий (Чуков); протоиерей Иоанн Леоферов; протоиерей Александр Лебедев; открытие храмов; Русская Православная Церковь.

Тарасов Юрий (Георгий) Сергеевич

Тамбовский государственный технический университет
ier.georgii@mail.ru

ТАМБОВСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1939-1943 ГГ.

Тамбовская епархия в период с 1937 по 1941 г. официально считалась ликвидированной, т.к. епископы на Тамбовскую кафедру не назначались. Немногочисленные её приходы должны были подчиняться непосредственно митрополиту Сергию (Страгородскому).

В начале Великой Отечественной войны на архиерейские кафедры было назначено 7 архиепископов и епископов. Этому, в т.ч., способствовало перемещение архиереев с западных областей (Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины) в Центральную Россию. В 1941 г. епископом на Тамбовскую кафедру, впервые после ареста прежнего архиерея в 1937 г., назначается архиепископ Алексей (Сергеев) [5; 22, с. 115-116; 27, с. 148]. О соответствующем этому назначению периоде жизни архиерея – с середины октября 1941 г. по февраль 1942 г. – известна следующая информация.

Архиепископ Алексей, возглавлявший до октября 1941 г. Орловскую и Курскую кафедру, после оккупации г. Орла предположительно приезжает в Москву/Ульяновск¹ за новым назначением, которое получает 14 октября в г. Тамбов. Скорее всего, в это время в епархию он не приезжал. Тамбовская область в октябре стала прифронтовой. На территории епархии к этому периоду не было ни одного действующего храма, большую часть священно- и церковнослужителей репрессировали. По косвенным свидетельствам², можно предположить, что он проживал в Москве [2, с. 335-352]. Но поскольку столица находилась сначала в осажденном положении, а затем советские войска перешли в наступление, город и население испытывали тяжёлый кризис, то в такой ситуации прибытие архиепископа на кафедру было и физически невозможно. Поэтому уместно считать, что тамбовская кафедра оставалась «вдовствующей» вплоть до октября 1942 г. (по иным данным – до 1943 г., видимо, это связано с принятием обновленческой общины г. Тамбова в православие).

¹ Со второй половины октября 1941 г. до конца лета 1943 г. Московская Патриархия и Митрополит Сергий находились в г. Ульяновске, откуда и осуществлялось церковное руководство.

² В начале 1942 г. разрешили Церкви в пропагандистских и разоблачительных против фашистов целях возобновить издательскую деятельность. В феврале 1942 г. Экзарх Украины, митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич), управлявший Московской епархией, возглавил работу редколлегии книги «Правда о религии в России». Подготовкой занимались почти все находившиеся в Москве архиереи, в их числе и архиепископ Алексей (Сергеев), собиравший информацию о бесчинствах немцев в Московской и Смоленской областях.